ИЗЪ ИСТОРІИ РАСКОЛА

ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Профессора Н. И. Субботина.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется Москва. Марта 10 дня 1900 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

53306

ИЗЪ ИСТОРІИ РАСКОЛА
ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го.

Свѣдѣнія о тѣхъ событіяхъ въ исторіи раскола, которыя я намѣренъ изложить, доставлены мнѣ присно памятнымъ для меня священноинокомъ Оптиной пустыни о. Климентомъ.

До постриженія въ иночество о. Климентъ,—тогда Константинъ Карловичъ Зедергольмъ,—служилъ нѣкоторое время (1858—1862 гг.) чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода графѣ Александрѣ Петровичѣ Толстомъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ и товарищемъ по Университету Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ. Онъ пользовался особымъ расположеніемъ графа, который дорого цѣнилъ въ немъ не только его блестящія способности и замѣчательную ученость, но и особенно его непритворную религіозность, его всецѣлую преданность православной церкви,—тѣ именно качества души, которыя привели его потомъ въ ограду Оптинскаго скита, подъ руководство незабвеннаго старца о. Амвросія. Когда скончался графъ А. П. Толстой, супруга его, графиня Анна Георгіевна, пригласила о. Климента изъ Оптиной пустыни въ Москву разобрать и привести въ порядокъ оставшіяся послѣ мужа бумаги. Въ числѣ бумагъ этихъ оказалось нѣсколько такихъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ расколу и его исторіи. Отецъ Климентъ, съ которымъ я не былъ дотолѣ и знакомъ лично, нашелъ, что ихъ слѣдуетъ показать мнѣ, не найду

ли я въ нихъ чего любопытнаго и нужнаго для моихъ изслѣдованій о расколѣ. Съ этою цѣлію онъ посѣтилъ меня 28 сентября 1877 года,—день особенно памятный для меня именно этимъ первымъ и, къ сожалѣнію, послѣднимъ свиданіемъ съ отцомъ Климентомъ: въ апрѣлѣ 1878 г., ровно черезъ полгода послѣ этого нашего свиданія, онъ скончался [1])...

Такъ какъ и посѣщеніе о. Климента и особенно цѣль этого посѣщенія были для меня неожиданностью, хотя весьма лестною и пріятною, то въ самомъ же началѣ нашей продолжительной тогда бесѣды я не удержался, послѣ благодарности за вниманіе, высказать ему и недоумѣніе, почему бумаги графа, касающіяся раскола, онъ предпочелъ сообщить мнѣ, а не своему близкому другу Т. И.Филиппову, тоже весьма интересующемуся расколомъ. Отецъ Климентъ,съ свойственною ему горячностію, отвѣтилъ, что у него порваны всѣ сношенія съ Тертіемъ Ивановичемъ послѣ того, какъ онъ выступилъ съ своими извѣстными публичными чтеніями о нуждахъ Единовѣрія въ Петербургскомъ отдѣлѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія. Тогда онъ разсказалъ мнѣ, что, видя несомнѣнный вредъ для церкви въ этихъ чтеніяхъ, оптинскіе старцы, и во главѣ ихъ самъ отецъ Амвросій, написали Т. И. Филиппову увѣщательное посланіе, въ которомъ убѣждали его, ради блага церкви, удержаться отъ распростра-

---

[1]) Объ этомъ свиданіи съ о. Климентомъ я говорилъ уже въ предисловіи къ весьма замѣчательному письму его о томъ, какъ помогъ ему Богъ обратить изъ лютеранства въ православіе свою мать (отецъ его, извѣстный ученый, былъ и остался лютеранскимъ пасторомъ). Письмо это было прислано мнѣ изъ Оптиной пустыни, по кончинѣ о. Климента, съ нѣсколькими другими его бумагами, и, по благословенію отца Амвросія, напечатано мною въ *Братскомъ Словѣ* (1885 г. т. I, стр. 445—449). Здѣсь же, въ предисловіи, приведено и любопытное письмо ко мнѣ о. Климента отъ 16 ноября 1877 года, гдѣ между прочимъ онъ высказалъ свой взглядъ на расколъ и единовѣріе,—взглядъ вполнѣ вѣрный, какого именно и слѣдовало ожидать отъ высоко-просвѣщеннаго и истинно-православнаго человѣка.

ненія своихъ неправильныхъ воззрѣній на клятвы собора 1667 г., не вводить ими въ заблужденіе людей несвѣдущихъ изъ среды православныхъ и не утверждать раскольниковъ въ упорномъ противленіи церкви, но на это увѣщательное посланіе оптинскихъ старцевъ отъ Тертія Ивановича не послѣдовало даже отвѣта, «чтенія» свои онъ продолжалъ, вслѣдствіе чего и были прекращены съ нимъ сношенія оптинскихъ старцевъ. Для меня, разумѣется, отрадно было получить въ этомъ объясненіи доказательство, что имѣющіе столь великій авторитетъ въ церкви и извѣстные своимъ строгимъ православіемъ оптинскіе старцы, особенно же сами отецъ Амвросій и отецъ Климентъ, совершенно раздѣляютъ тѣ понятія о соборѣ 1667 г., которыя вмѣстѣ съ отцомъ архимандритомъ Павломъ постоянно излагалъ я и распространялъ въ противоположность мнѣніямъ Т. И. Филиппова и его сторонниковъ [1]).

---

[1]) Эту подробность моей бесѣды съ о. Климентомъ, по весьма понятнымъ причинамъ (теперь уже не существующимъ), не могъ я изложить въ своемъ разсказѣ о свиданіи съ нимъ, который напечаталъ въ 1885 году. Но указаніе на нее было сдѣлано мною и тогда въ слѣдующихъ словахъ: „Всякую уступку расколу со стороны церкви онъ (о. Климентъ) признавалъ несправедливостью и униженіемъ для церкви, которое должно привести къ существенному вреду для православія. Онъ удивлялся этой несчастной привычкѣ, или склонности русскаго человѣка къ самоосужденію и самообличенію, которую такъ легкомысленно и не осторожно, чтобъ не сказать преступно, *переносятъ даже въ церковную область, и притомъ иногда люди несомнѣнно умные, посвоему религіозные, даже считающіе себя ревнителями и блюстителями чистоты православія*“ (*Брат. Сл.* 1885 г. II, 439) И самъ о. Климентъ въ напечатанномъ здѣсь же письмѣ его ко мнѣ отъ 16 ноября 1877 г., разумѣлъ именно Т. И. Филиппова, когда писалъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Единовѣріе, которое должно бы ослаблять расколъ, приводить раскольниковъ къ церкви, или сближать съ нею, они (пишущіе въ *Гражданинѣ*) хотятъ обратить въ средство—людей слабыхъ отводить отъ церкви, усилить расколъ, дать въ русскомъ народѣ перевѣсъ неправильнымъ понятіямъ о церкви, господствующимъ между раскольниками и въ большинствѣ единовѣрцевъ. Къ чему это поведетъ? Въ какое положеніе это можетъ поставить Русскую церковь предъ Восточною церковью?

Изъ доставленныхъ мнѣ отцомъ Климентомъ бумагъ, особенный интересъ представляли относящіяся къ исторіи ржевскаго раскола,—описывающія между прочимъ одно случившееся во Ржевѣ въ 1857 году событіе, имѣющее характеръ раскольническаго мятежа. Сюда относятся: а) большая докладная «записка о ржевскихъ раскольникахъ», составленная по порученію графа Толстого бывшимъ чиновникомъ Городническаго Правленія во Ржевѣ В. Малининымъ; б) копія докладной записки, поданной въ Сенатъ православными членами ржевскаго Магистрата по дѣлу ихъ съ членомъ того же Магистрата раскольникомъ Ловягинымъ; в) подлинные письма къ графу Толстому, командированнаго имъ во Ржевъ для собранія точныхъ свѣдѣній объ упомянутомъ выше раскольническомъ мятежѣ, чиновника особыхъ порученій Т. И. Филиппова; и д) подлинныя же письма къ графу Толстому ржевскаго городского головы Евграфа Берсенева. Но именно эти «документы и письма, касающіеся дѣла о ржевскихъ раскольникахъ», о. Климентъ при свиданіи и бесѣдѣ со мною, какъ упомянуто и въ моемъ изложеніи этой бесѣды, «просилъ *до времени* сохранить въ тайнѣ»[1]).

Теперь это время, полагаю, миновало,—«Ржевскія дѣла» теперь можно изложить по указаннымъ сейчасъ документамъ, что̀ я и намѣренъ сдѣлать, имѣя въ виду, что «дѣла» сіи даютъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ расколъ, доведенный мѣропріятіями императора Николая Павловича до крайней степени упадка, въ первые же годы новаго царствованія почувствовалъ свою нарождающуюся силу...

Какъ объ этомъ не подумаютъ слѣпые защитники Константинопольской іерархіи? Удивляемся, что люди вѣрующіе и умные такъ легкомысленно касаются церковныхъ дѣлъ и не страшатся за это тяжкой отвѣтственности предъ Господомъ (*Тамъ же*, стр. 442—443).

[1]) *Брат. Сл.* 1885 г. II, 439. И въ своемъ письмѣ отъ 16 сентября 1877 г. о. Климентъ писалъ мнѣ: „Все сообщенное вамъ (*кромѣ ржевскаго дѣла*) можете, когда разсудите, обнародовать. Въ этомъ отношеніи полагаюсь на ваше усмотрѣніе. Вамъ дѣло виднѣе“ (*Тамъ же*, стр. 442).

1. Предварительныя свѣдѣнія о ржевскомъ расколѣ. — Бѣглые попы у ржевскихъ раскольниковъ.—Попъ Василій Симоновъ. — Его отношенія къ австрійскому священству: попъ Яковъ Сурнинъ.—Ржевскія монахини и читалки.—Протоіерей Матѳей Константиновскій и его отношенія къ расколу.

Ржевъ, большой уѣздный городъ Тверской губерніи, издавна извѣстенъ какъ значительный центръ старообрядческаго раскола. Къ концу царствованія императора Николая Павловича раскольниковъ во Ржевѣ считалось, по офиціальнымъ даннымъ, болѣе 6000 душъ обоего пола. Всѣ они, за исключеніемъ нѣсколькихъ семействъ случайно перешедшихъ въ безпоповщину, принадлежали къ бѣглоповщинскому толку. Въ городѣ у нихъ имѣлись обширное кладбище и два молитвенные дома. При кладбищѣ были устроены четыре каменные флигеря, въ которыхъ жили раскольническія монахини и дѣвицы-читалки. Съ обращеніемъ одного изъ молитвенныхъ домовъ въ единовѣріе начались между раскольниками и единовѣрцами пререканія, кому изъ нихъ владѣть кладбищемъ и находящимися при кладбищѣ зданіями. Въ пятидесятыхъ годахъ имъ владѣли совмѣстно и единовѣрцы и раскольники; монахинямъ и читалкамъ раскольническимъ уже не позволено было жить здѣсь, а одно изъ зданій обращено было въ часовню, въ другихъ же помѣщались сторожа, назначенные отъ обѣихъ владѣющихъ сторонъ. Изъ молитвенныхъ домовъ одинъ, построенный богатымъ раскольникомъ Образцовымъ, находился на Князь-Ѳедоровской сторонѣ, и при немъ имѣлось также раскольническое кладбище, другой, болѣе обширный, съ имѣющимися при немъ каменными флигерями,—на Князь-Дмитріевской сторонѣ. Этотъ молитвенный домъ,пространый, съ хорами, имѣлъ полное устройство церкви, съ алтаремъ и престоломъ, такъ что бѣглые попы могли служить здѣсь и обѣдни.

Бѣглые попы у ржевскихъ раскольниковъ не переводились. Даже и во время «оскудѣнія бѣгствующихъ іереевъ», вызваннаго строгими и послѣдовательно проведенными

мѣрами императора Николая противъ этого прискорбнаго и позорнаго явленія въ русской церкви, когда петербургскіе и московскіе главари бѣглопоповства, вынужденные этимъ «оскудѣніемъ», задумали учредить и учредили въ Бѣлой-Криницѣ свою самостоятельную іерархію,—даже и тогда у Ржевскихъ бѣглопоповцевъ имѣлся бѣглый попъ. Изъ бывшихъ у нихъ въ XIX столѣтіи бѣглыхъ поповъ извѣстны: 1) Алексѣй Козминъ Полицынъ, служившій до перехода въ расколъ священникомъ въ селѣ Холохольнѣ, Старицкаго уѣзда,—онъ кончилъ жизнь несчастно, въ домѣ умалишенныхъ; 2) Прохоръ Баталинъ; перешелъ во Ржевъ изъ Новозыбкова, Черниговской губерніи, гдѣ должно быть и принятъ былъ въ расколъ; умеръ во Ржевѣ въ 1836 году; 3) Ѳедоръ Васильевъ Соловьевъ; служилъ у ржевскихъ раскольниковъ съ 1825 по 1835 годъ, когда, устрашенный начавшимся слѣдствіемъ, по случаю дерзкой выходки одного раскольника [1]), принесъ повинную и возвратился къ церкви; 4) Михаилъ Дубенскій; служилъ у ржевскихъ раскольниковъ недолго и потомъ неизвѣстно куда скрылся; наконецъ 5) Василій Семеновъ Симоновъ.

Этотъ послѣдній, служившій у ржевскихъ бѣглопоповцевъ именно въ пору крайняго «оскуденія бѣгствующихъ іереевъ» и даже въ пятидесятыхъ годахъ, когда уже начала распространяться среди раскола по всѣмъ мѣстамъ австрійская, или бѣлокриницкая іерархія, — этотъ «попъ Василій хромой» (какъ его звали раскольники) есть своего рода знаменитость. Еще въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I-го, когда изданъ былъ указъ, косвенно узаконявшій бѣгствующее раскольническое священство предписаніемъ не преслѣдовать бѣжавшихъ къ раскольникамъ поповъ, которые и назывались поэтому «дозволенными»,— еще тогда Василій Симоновъ, бывшій священникомъ села

---

[1]) Одинъ изъ мѣстныхъ фанатиковъ раскола, во время литургіи въ православномъ храмѣ, прошелъ въ алтарь чрезъ царскія двери къ престолу и учинилъ издѣвательство надъ чашей со святыми дарами.

Воронцова, Смолепской губерніи Гжатскаго уѣзда, соблазненный выгодными предложеніями раскольниковъ, ушелъ къ нимъ съ малолѣтнимъ сыномъ Иваномъ, оставивъ въ Воронцовѣ жену, какъ видно, не одобрявшую его преступной измѣны православію, а можетъ быть и не любимую имъ. Во Ржевъ онъ явился уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ съ солдаткой Марьей Максимовой, которую выдалъ за свою законную жену. Здѣсь онъ очень скоро успѣлъ снискать особенное расположеніе раскольниковъ, пользуясь которымъ безнаказанно совершалъ разныя противозаконныя дѣла, такъ какъ богатые раскольники всегда готовы были выручить его, и неоднократно выручали, отъ бѣды и отвѣтственности предъ гражданскими властями, которыя были у нихъ по откупу. Такъ, наприм., когда законная жена Симонова, узнавъ о пребываніи мужа у раскольниковъ во Ржевѣ, явилась сюда, чтобъ уличить его въ бѣгствѣ и незаконномъ сожитіи съ солдаткою, мѣстный городничій Закревскій, къ которому она явилась, посадилъ ее въ острогъ, а раскольники и угрозами и деньгами постарались вынудить ее къ прекращенію дѣла. Въ пятидесятыхъ годахъ попъ Василій Симоновъ, имѣвшій уже великій авторитетъ среди раскольниковъ-поповцевъ, жилъ въ одномъ изъ каменныхъ флигерей при молитвенномъ домѣ на Князь-Дмитріевской сторонѣ, а въ другомъ жилъ его сынъ Иванъ Васильевъ съ семействомъ. Какимъ онъ пользовался довольствомъ и привольствомъ, можно судить потому, что этотъ его сынъ, котораго онъ успѣлъ внести въ запись о раскольникахъ, былъ купцомъ 2-й гильдіи и однимъ изъ ржевскихъ капиталистовъ [1]).

За невозможностію самимъ лично исполнять всѣ требы и службы у раскольниковъ при чрезвычайной многочисленности прихожанъ, какъ всѣ вообще бѣглые раскольническіе попы, такъ и ржевскіе «благословляли» на отправленіе

---

[1]) Онъ имѣлъ суда для перевозки тяжестей по рѣкамъ Маріинской системы. Но деньги, преступно пріобрѣтенныя отцомъ, не пошли ему въ прокъ,—подъ конецъ жизни онъ разорился и впалъ въ бѣдность.

службъ и нѣкоторыхъ требъ своихъ помощниковъ и помощницъ изъ мірянъ, — разныхъ уставщиковъ и пачетчиковъ, особенно монахинь и такъ называемыхъ читалокъ. Изъ первыхъ заслуживаетъ упоминанія, служившій при попѣ Васильѣ дьячкомъ мѣщанинъ Яковъ Исаевъ Сурнинъ. Въ 1854 г. этотъ Яковъ Сурнинъ посвященъ въ попы для ржевскихъ раскольниковъ извѣстнымъ лжеархіепископомъ Антоніемъ (Шутовымъ), который неоднократно посѣщалъ Ржевъ и поставилъ Якова въ попы на случай смерти попа Василья и въ помощь ему [1]). Это обстоятельство показываетъ, что Василій, какъ человѣкъ ловкій, умѣвшій примѣняться къ обстоятельствамъ, призналъ австрійскую іерархію и находился въ общеніи съ Антоніемъ, который также, съ своей стороны, очевидно не имѣлъ относительно его никакихъ сомнѣній [2]). Что ржевскіе бѣглопоповцы и тогда уже расположены были къ принятію австрійской іерархіи, видно и изъ того, что у нихъ были открыты въ то время сношенія съ заграничными раскольниками при посредствѣ ржевскихъ мѣщанъ Булохова, который ѣздилъ въ Австрію для собиранія свѣдѣній о Бѣлокриницкой митрополіи, и Фролова, который уѣхалъ въ Турцію, къ тамошнимъ раскольникамъ. Этотъ послѣдній, по имени Василій Юдинъ, былъ роднымъ братомъ Ѳаддея Юдича Фролова, состоявшаго въ дружескихъ отношеніяхъ къ извѣстному Ксеносу, человѣка весьма разумнаго [3]), и Ивана Юдина, извѣстнаго раскольническаго

---

[1]) Въ спискѣ лицъ, поставленныхъ въ епископы и священники для разныхъ мѣстъ, который веденъ былъ Антоніемъ и представленъ раскольническому Духовному Совѣту, значится, дѣйствительно, поставленный въ Тверскую губернію „священноіерей Іаковъ“ (*Сборн.* Ив. Захар.).

[2]) И заграничные раскольническіе архіереи, враждебно относившіеся къ бѣглымъ попамъ, которыхъ подозрѣвали въ обливанствѣ (такими у нихъ считались всѣ невеликороссы по происхожденію и всѣ поставленные архіереями невеликороссами), относительно попа Василья не имѣли такихъ сомнѣній (О немъ упоминается въ одномъ письмѣ Аркадія Славскаго: см. *Переписку раск. дѣятелей*, II, стр. 56).

[3]) О Ѳаддеѣ Іудичѣ много говорится въ Воспоминаніяхъ о немъ и о

фанатика, бывшаго попомъ въ Браиловѣ [1]). Къ этому второму брату, какъ надобно полагать, Василій Юдинъ и уѣхалъ въ Турцію.

Раскольническихъ монахинь и дѣвицъ-читалокъ во Ржевѣ имѣлось всегда великое количество. Онѣ пользовались особымъ расположеніемъ богатыхъ купчихъ-раскольницъ и во всѣхъ раскольническихъ купеческихъ домахъ правили службы, читали Псалтырь и каноны, какъ, наприм., монахини Манеѳа и Аркадія съ послушницей дѣвкой Евѳиміей постоянно правили службу въ домѣ коммерціи совѣтника Образцова, пользуясь особымъ расположеніемъ его жены, которая и по обращеніи мужа въ единовѣріе осталась ревностной раскольницей. Были во Ржевѣ даже особые женскіе раскольническіе скиты. Въ одномъ изъ такихъ жили монахини Надежда, Александра, Девора и Олимпіада съ цѣлымъ штатомъ послушницъ.

Монахинями и читалками главнымъ образомъ и поддерживался расколъ во Ржевѣ, какъ и по другимъ мѣстамъ. Имѣя рѣшительное вліяніе на женщинъ въ каждомъ раскольническомъ семействѣ, чрезъ нихъ онѣ удерживали въ расколѣ даже и тѣхъ изъ старообрядцевъ, которые были расположены къ переходу въ церковь, уже ясно видѣли неправду и погибельность раскола. А такихъ было не мало среди ржевскихъ старообрядцевъ, особенно въ богатыхъ купеческихъ семействахъ, не чуждавшихся образованія и сношеній съ православными. Распространенію и утвержденію между ними правильныхъ понятій о церкви и расколѣ много способствовалъ, пользовавшійся великимъ уваженіемъ во Ржевѣ,

---

Ксеносѣ В. Е. Кожевникова и М. С. Дударева, напечатанныхъ въ *Братскомъ Словѣ* 1875 и 1885 гг. Здѣсь же напечатаны (1892 г. I, стр. 289) его любопытныя письма.

[1]) Онъ извѣстенъ особенно по своей упорной борьбѣ противъ принятія въ употребленіе метрическихъ записей, требуемыхъ правительствомъ (см. статью: „Раскольническіе споры о метрикахъ“, напечатанную въ *Душеполезн. Чт.* 1867 г.; также письма, напечатанныя въ 3-мъ выпускѣ *Переписки раскол. дѣятелей*, стр. 218—257).

соборный протоіерей Матѳей Александровичъ Константиновскій.

Отецъ Матѳей—личность весьма замѣчательная. Его умъ, проницательность, строгій нравственный характеръ и благочестивую, подвижническую жизнь высоко цѣнили даже такіе люди, какъ графъ А. П. Толстой, о. архимандритъ Ѳеодоръ (Бухаревъ) и Н. В. Гоголь, которые прибѣгали къ нему за совѣтами и на которыхъ несомнѣнно имѣлъ онъ вліяніе [1]). А какъ чтили его православные жители Ржева можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ о немъ автора «Записки» г. Малинина: «Безкорыстіе протоіерея Матѳея Александровича извѣстно всѣмъ, кто его зналъ», — это былъ «незамѣнимый по уму и дару слова, неподражаемый по жизни и добродѣтелямъ мужъ». Какъ добрый и ревностный пастырь церкви, отецъ Матѳей не могъ равнодушно смотрѣть на процвѣтаніе раскола во Ржевѣ и всѣми доступными для него способами заботился объ его ослабленіи. Эти, неостававшіяся безъ успѣха, заботы его о просвѣщеніи блуждающихъ во тмѣ раскола бывшихъ чадъ Христовой церкви возбудили противъ него сильную ненависть со стороны фанатически-настроенныхъ раскольниковъ, неразборчивыхъ на средства мщенія. Въ «Запискѣ» г. Малинина указаны слѣдующіе два примѣра ихъ мстительности. Однажды, когда о. Матѳей шелъ по городской площади, къ нему подошли два неизвѣстные ему раскольника и попросили у него благословенія. Отецъ Матѳей снялъ съ головы шляпу, сложилъ и поднялъ руку для благословенія одного изъ подошедшихъ, а тотъ, въ эту самую минуту, плюнулъ ему на руку и сильно ударилъ его въ правую ланиту, другой же вслѣдъ затѣмъ нанесъ ему ударъ въ лѣвую. «Отъ печали и скорби (пишетъ г. Малининъ) этотъ дивный протоіерей плакалъ сутокъ трое, какъ ребенокъ, не говоря объ этомъ происшествіи ни-

---

[1]) Бывши студентомъ и пользуясь расположеніемъ о. Ѳеодора, я не разъ слышалъ отъ него, въ откровенныхъ бесѣдахъ, самые почтительные, почти благоговѣйные отзывы объ о. Матѳеѣ.

кому, даже женѣ своей, и со слезами просилъ городничаго Небольскаго простить преступниковъ», когда объ ихъ поступкѣ сдѣлалось извѣстнымъ въ городѣ. Раскольники же умышленно подожгли его домъ, который и сгорѣлъ со всѣмъ, что́ было въ немъ, — «однѣхъ книгъ (сказано въ Запискѣ) самыхъ лучшихъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, сгорѣло болѣе 3000; и домъ другого соборнаго священника Измайлова также сгорѣлъ со всѣмъ имуществомъ». Мстительность озлобленныхъ раскольниковъ ни мало не ослабила ревности и заботъ о. Матѳея объ ослабленіи раскола, а кротость и незлобіе, съ какими переносилъ онъ ихъ мщеніе и обиды, давали еще болѣе силы его направленной противъ раскола проповѣди. Благодаря его увѣщаніямъ, самыя видныя и вліятельныя лица изъ раскольническаго общества— коммерціи совѣтникъ Образцовъ и градской глава Евграфъ Берсеневъ присоединились къ церкви, на правилахъ Единовѣрія. Этому, безъ сомнѣнія, не мало способствовало также и послѣднее рѣшительное мѣропріятіе императора Николая Павловича, направленное противъ раскола,—именно воспрещеніе принимать отъ раскольниковъ гильдейскія повинности. Какъ въ Москвѣ оно имѣло послѣдствіемъ открытіе единовѣрческихъ приходовъ въ самыхъ центрахъ безпоповщинскаго и поповщинскаго раскола, на Преображенскомъ и Рогожскомъ Кладбищахъ, такъ и во Ржевѣ способствовало обращенію обоихъ бѣглопоповщинскихъ молитвенныхъ домовъ въ единовѣрческія церкви. Первый на Князь-Ѳедоровской сторонѣ, построенный Образцовымъ, съ переходомъ его изъ раскола въ Единовѣріе безпрепятственно обращенъ былъ въ единовѣрческую церковь. Обращеніе же другого, болѣе обширнаго и благоустроеннаго, на Князь-Константиновской сторонѣ, сопровождалось большими безпорядками.

Мысль и заботы объ отобраніи у раскольниковъ этого втораго молитвеннаго дома съ обращеніемъ его въ единовѣрческую церковь — принадлежали главнымъ образомъ двумъ упомянутымъ вліятельнѣйшимъ во Ржевѣ лицамъ: протоіерею Матѳею Александровичу Константиновскому,

который тѣмъ болѣе имѣлъ надежды на успѣхъ предпринимаемаго дѣла, что графъ А. П. Толстой, его почитатель, тогда былъ уже оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, и городскому головѣ Евграфу Берсеневу, который также близко извѣстенъ былъ графу Толстому [1]), и, по словамъ г. Малинина, «въ городѣ пользовался большимъ уваженіемъ, какъ по уму своему, такъ и по связямъ съ живущими въ С.-Петербургѣ купцами, братьями Малыгиными». Надѣясь на свое значеніе во Ржевѣ и на свои связи въ Петербургѣ, они смѣло приступили къ дѣлу. Но тогда уже не было въ живыхъ императора Николая Павловича, и вѣрный исполнитель его предначертаній министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковъ не имѣлъ уже силы,—тогда, съ перемѣной царствованія, начались уже въ Россійскомъ государствѣ новыя вѣянія и раскольники почувствовали настающую для нихъ свободу: это ободрило ржевскихъ ревнителей раскола оказать открытое сопротивленіе даже состоявшемуся Высочайшему повелѣнію о передачѣ молитвеннаго дома на Князь-Константиновской сторонѣ въ вѣдѣніе единовѣрцевъ. Во Ржевѣ произошелъ своего рода раскольническій мятежъ. Ему предшествовало еще одно событіе, хотя не имѣвшее съ нимъ непосредственной связи, но свидѣтельствовавшее именно о воспрянувшихъ тогда надеждахъ раскольниковъ на покровительство имъ высшихъ правительственныхъ лицъ, о которомъ поэтому и неизлишне сообщить здѣсь хотя краткія свѣдѣнія.

2. Дѣло Ржевскаго ратмана изъ раскольниковъ Ловягина съ православными членами Ржевскаго Магистрата.

Въ 1854 г. на новое трехлѣтіе выбраны были ржевскимъ городскимъ обществомъ и утверждены начальствомъ въ своихъ должностяхъ слѣдующіе члены магистрата: бургомистры

---

[1]) Графъ А. П. Толстой былъ нѣкоторое время Тверскимъ губернаторомъ. Посѣщая Ржевъ, онъ тогда, по всей вѣроятности, познакомился и съ о. Матѳеемъ и съ почетными лицами города.

Иванъ Поярковъ и Тимоѳей Ямщиковъ, ратманы Ѳедоръ Дьяковъ, Тимоѳей Ваулинъ и Иванъ Ловягинъ. Послѣдній былъ изъ закоснѣлыхъ раскольниковъ, и хотя при избраніи числился купцомъ, но вскорѣ затѣмъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, коимъ, старообрядцы, не представившіе свидѣтельствъ о присоединеніи къ православію или единовѣрію, лишались права носить купеческое званіе, какъ оставшійся въ расколѣ, переименованъ въ мѣщане. Это уже лишало его права быть членомъ магистрата; онъ же не только остался въ этой должности, но и вступалъ съ прочими членами въ постоянныя пререканія, замедлявшія дѣлопроизводство, какъ только касалось дѣло кого-нибудь изъ раскольниковъ, интересы которыхъ онъ отстаивалъ вопреки всякой справедливости. Не ограничиваясь этимъ, онъ дозволялъ иногда, въ явное превышеніе власти, единолично давать секретарю магистрата приказанія о выдачѣ изъ Градской Думы письменныхъ видовъ такимъ лицамъ изъ раскольниковъ, о которыхъ производились дѣла и которымъ воспрещена отлучка изъ города. Все это наконецъ вынудило прочихъ членовъ магистрата обратиться въ Тверское губернское правленіе съ жалобою на неправильные поступки Ловягина и просить объ увольненіи его отъ должности ратмана. Губернское правленіе, разсмотрѣвъ жалобу, признало ее правильною и опредѣлило исключить Ловягина изъ числа членовъ ржевскаго магистрата. Тогда на защиту Ловягина опо́лчилось во Ржевѣ все общество упорныхъ раскольниковъ: собрали денегъ и начали дѣло объ отмѣнѣ состоявшагося рѣшенія. Ловягинъ подалъ апелляціонную жалобу; Губернскимъ правленіемъ назначено новое слѣдствіе, послѣ котораго дѣйствительно состоялось опредѣленіе—прежнее рѣшеніе дѣла отмѣнить, Ловягина признать ни въ какихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ невиновнымъ и снова допустить къ отправленію должности ратмана, а четырехъ членовъ магистрата, возбудившихъ дѣло о немъ, предать суду Уголовной палаты. Эти послѣдніе, бывъ оскорблены такимъ явно несправедливымъ рѣшеніемъ Гражданской палаты, подали

жалобу въ Правительствующій Сенатъ. Здѣсь ихъ жалобу нашли правильною и дѣло рѣшено было въ ихъ пользу; но такъ какъ постановленіе Сената, до приведенія его въ исполненіе, должно было поступить на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ, а въ этомъ министерствѣ весьма видное и вліятельное мѣсто занималъ тогда чиновникъ, который, какъ они имѣли основаніе предполагать, употребитъ все свое стараніе, чтобы рѣшить дѣло согласно опредѣленію Тверского губернскаго правленія, то просители и нашли нужнымъ обратиться за помощію и защитой къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Они подали графу А. П. Толстому докладную записку, съ подробнымъ изложеніемъ своего дѣла, и краткое объяснительное письмо, въ которомъ изложили сущность своей просьбы къ нему. Письмо это, какъ любопытный документъ, не лишенный значенія для исторіи раскола, приводится здѣсь вполнѣ.

«Тверской губерніи, въ городѣ Ржевѣ, большая часть жителей принадлежитъ къ расколу бѣглопоповщинской секты. Долголѣтними убѣжденіями протоіерея тамошняго собора, Матѳея Александровича Константиновскаго, многіе изъ раскольниковъ присоединились къ православной церкви, отчего возникла ожесточенная вражда раскола къ православію. Раскольники, пользуясь покровительствомъ мѣстныхъ властей, не жалѣютъ никакихъ средствъ къ поддержанію ихъ ереси.

«Въ числѣ членовъ ржевскаго магистрата находился мѣщанинъ Ловягинъ, раскольникъ. Во всѣхъ дѣлахъ между православными и его единовѣрцами онъ держалъ сторону послѣднихъ, и, не соглашаясь съ мнѣніями присутствовавшихъ, съ упорствомъ отстаивалъ раскольниковъ, отъ чего замедлялось производство дѣлъ и страдали невинные. Члены магистрата, на основаніи предоставленнаго имъ закономъ права, вынуждены были сдѣлать представленіе Тверскому Губернскому правленію о замѣщеніи Ловягина другимъ лицомъ, болѣе благонадежнымъ. Губернское правленіе признало уважительнымъ ихъ ходатайство и, несмотря на оправданія Ловягина, по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, удалило

его отъ должности. Раскольники побудили Ловягина послать вторичную просьбу въ Губернское правленіе, будто онъ обвиненъ напрасно. Командированъ былъ чиновникъ для слѣдствія. Всѣ показанія 14-ти спрошенныхъ лицъ были противъ Ловягина; несмотря на то Губернское правленіе, въ отмѣну прежняго своего постановленія, опредѣлило допустить его къ должности, прочихъ же членовъ магистрата предало суду Тверской Уголовной палаты.

«Въ лицѣ Ловягина дѣйствовало общество раскольниковъ, не жалѣло траты, и достигло нравственнаго перевѣса надъ православными.

«Отданные безвинно подъ судъ, лучшіе граждане въ городѣ, обратились съ жалобою въ Правительствующій Сенатъ. Дѣло слушалось и опредѣленіе гг. сенаторовъ, по заведенному порядку, послано на заключеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ.

«Въ Тверскомъ Губернскомъ правленіи служитъ совѣтникомъ г. Гвоздевъ, покровительствующій раскольникамъ; родной братъ его директоромъ общаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ; по всему вѣроятію, онъ употребитъ вліяніе къ оправданію брата, съ чѣмъ сопряжено обвиненіе членовъ магистрата.

«Покорно просятъ обстоятельство это довести до свѣдѣнія г. министра внутреннихъ дѣлъ.

«Не говоря уже о безвинныхъ жертвахъ, происками раскольниковъ оскорбленныхъ подсудимостію за честное исполненіе долга, событіе это во Ржевѣ важно въ религіозномъ отношеніи: если раскольники успѣютъ одержать верхъ въ гласномъ и несправедливомъ для нихъ дѣлѣ, и покажутъ послѣдователямъ своимъ, какое вліяніе имѣютъ руководители секты на дѣла общественныя, это укрѣпитъ къ нимъ довѣріе массы раскольниковъ, и остановитъ обращеніе въ нѣдра истинной Христовой церкви тѣхъ изъ нихъ, которые, по долговременнымъ убѣжденіямъ православныхъ пастырей, приготовлены оставить расколъ».

Письмо это и докладная при немъ записка были поданы

въ ноябрѣ 1856 года. Какое послѣдовало затѣмъ окончательное рѣшеніе по дѣлу о Ловягинѣ, намъ неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ дѣло это, съ такой смѣлостью и увѣренностью веденное раскольникомъ, съ основательною надеждою найти себѣ покровителей въ правительственныхъ сферахъ, служитъ довольно яснымъ показателемъ, что тогда, въ первые же годы новаго царствованія, раскольники во Ржевѣ, какъ и въ другихъ центральныхъ мѣстахъ раскола, почувствовали свою нарождающуюся силу, наступающее для нихъ время свободы и безнаказанности. Новымъ подтвержденіемъ этого служитъ, вслѣдъ же за Ловягинскимъ дѣломъ, открывшійся во Ржевѣ и раскольническій мятежъ.

4. Передача единовѣрцамъ второй раскольнической моленной во Ржевѣ.—Сопротивленіе, оказанное при этомъ ржевскими раскольниками.—Чѣмъ кончился ржевскій раскольническій мятежъ.

Старанія двухъ наиболѣе видныхъ ржевскихъ дѣятелей—протоіерея Константиновскаго и городского головы Берсенева объ отобраніи у раскольниковъ главнаго молитвеннаго дома на Князь-Дмитріевской сторонѣ, при которомъ тогда уже не было и бѣглаго попа Василья, главной опоры раскольниковъ-бѣглопоповцевъ [1]), имѣли полный успѣхъ въ Петербургѣ. Зная объ этихъ стараніяхъ, попечители моленной съ своей стороны рѣшились хлопотать объ удержаніи ея во владѣніи раскольниковъ, для чего сдѣланъ былъ ими сборъ денегъ съ раскольническаго общества, давшій имъ около 15000 руб.,—они ѣздили съ этою цѣлію въ Петербургъ и, возвратившись, даже увѣряли свое общество, что дѣло о моленной рѣшено въ ихъ пользу. Это была неправда. Въ февралѣ 1857 года Тверскія гражданское и духовное начальства получили указъ, содержавшій Высочайшее повелѣ-

[1]) Онъ умеръ незадолго передъ этимъ, оплаканный раскольниками, которые начали считать его даже за святого и брать песокъ съ его могилы.

ніе объ отобраніи моленной у ржевскихъ раскольниковъ и обращеніи ея въ единовѣрческую церковь.

23 февраля ржевскому городничему прислано было отъ Тверского губернатора предписаніе привести Высочайшую волю объ отобраніи моленной въ исполненіе; а 25 числа прибыли во Ржевъ назначенные епархіальнымъ начальствомъ архимандритъ Макарій и благочинный единовѣрческихъ церквей, которые, при участіи протоіерея Константиновскаго, должны были принять моленную и освятить въ единовѣрческую церковь. Къ исполненію этого предположено было приступить утромъ слѣдующаго дня, т.-е. 26 числа. Между тѣмъ ржевскіе раскольники, еще до полученія городничимъ указа, какъ всегда это бывало и бываетъ, не только знали объ его содержаніи, но имѣли и точную его копію. Пораженные такимъ неожиданнымъ для нихъ, столь несогласнымъ съ вѣстями и обѣщаніями ихъ попечителей, исходомъ дѣла, раскольники опрокинулись сначала на этихъ своихъ попечителей, которымъ даже причинили и побои. Затѣмъ, подъ вліяніемъ ли попечителей, или по обычному въ подобныхъ случаяхъ свойству русскаго народа, возникли у нихъ толки о неподлинности, подложности императорскаго указа, — о томъ, что начальство объявляетъ не настоящую царскую волю, почему и не слѣдуетъ ей подчиняться. Рѣшено было во всякомъ случаѣ отстоять моленную, не отдавать ее единовѣрцамъ.

Въ виду оказавшагося такимъ образомъ, или еще только ожидавшагося волненія среди ржевскихъ раскольниковъ по случаю отобранія у нихъ моленной, вызванъ былъ во Ржевъ изъ Старицы квартировавшій тамъ гусарскій полкъ. Поздним вечеромъ 25 числа, наканунѣ того дня, въ который предположено было приступить къ принятію моленной въ вѣдѣніе единовѣрцевъ, городничій съ нѣсколькими полицейскими и жандармами отправился на Князь-Константиновскую сторону, къ моленной, посмотрѣть, не готовятся ли здѣсь раскольники къ какимъ-нибудь насильственнымъ дѣйствіямъ на слѣдующій день. Встрѣтивъ небольшія кучки народа, по-

видимому, мирно настроеннаго, онъ оставилъ на дворѣ моленной и при воротахъ нѣсколько полицейскихъ съ двумя жандармами, и въ 11 часовъ ночи отправился домой. А ровно въ полночь толпы народа нахлынули къ моленной, выбили ворота, ворвались въ нихъ и заняли весь обширный дворъ моленной,—ничтожный отрядъ полицейскихъ ничего не могъ сдѣлать: собралось раскольниковъ до 2000 человѣкъ, а по словамъ нѣкоторыхъ—до 5000. О предположенномъ занятіи моленной 26 февраля теперь не могло быть и рѣчи.

Первая попытка склонить мятежниковъ къ подчиненію волѣ правительства была сдѣлана городничимъ. Взявъ два эскадрона гусаръ, утромъ 26 го числа онъ отправился къ моленной; гусаръ оставилъ у воротъ, а самъ вошелъ во дворъ и сталъ убѣждать наполнявшія его толпы раскольниковъ, чтобы разошлись и не препятствовали приведенію въ исполненіе Высочайшаго указа. Отъ него потребовали указа съ собственноручной подписью Государя, а тому, какой онъ предъявлялъ имъ, не хотѣли вѣрить. Видя возбужденное состояніе собравшихся въ такомъ множествѣ раскольниковъ, городничій распорядился, чтобы привезены были пожарныя трубы и приказалъ обливать мятежниковъ водой. Это не успокоило, напротивъ еще болѣе раздражило толпу. Тогда городничій рѣшился ввести на дворъ гусаръ, въ расчетѣ, что мятежники убоятся конной атаки и изъявятъ покорность; но первыя же въѣхавшія въ ворота гусарскія лошади, испуганныя крикомъ и воемъ громадной толпы народа, бросились назадъ въ ворота. Послѣ этой неудачи отданъ былъ приказъ оцѣпить войскомъ весь городской кварталъ, въ которомъ находилась моленная, и никого къ находящимся на дворѣ ея мятежникамъ не впускать, равно какъ и со двора никого не выпускать,—словомъ начать правильную осаду моленной, съ цѣлію—голодомъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ. Въ то же время городничій отправилъ въ Тверь къ губернатору извѣстіе, что въ Ржевѣ бунтъ. Городъ объявленъ былъ состоящимъ на военномъ положеніи и для начальствованія имъ прибылъ изъ Твери начальникъ дивизіоннаго штаба князь Вяземскій. Онъ

сдѣлалъ попытку уговорить мятежниковъ къ повиновенію власти, но также безъ успѣха, и оставилъ дѣло въ прежнемъ положеніи.

Осада моленной продолжалась нѣсколько дней, именно съ 26 февраля до 2-го марта, но была, какъ видно, не очень строга и бдительна: осажденнымъ доставлялись съѣстные припасы, а большая часть изъ нихъ успѣла даже разойтись со двора моленной по домамъ, такъ что ко 2-му марта на часовенномъ дворѣ осталось не болѣе десятой части отъ прежней двухтысячной толпы. Къ этому дню во Ржевъ пріѣхалъ самъ Тверской губернаторъ—Бакунинъ. Онъ рѣшился ввести войско на дворъ моленной, что̀ на этотъ разъ и удалось. Всѣхъ осажденныхъ оказалось теперь не болѣе 300 человѣкъ,—они не сопротивлялись войску, да не имѣли и возможности сопротивляться, а только окружили моленную кольцомъ, взявшись за руки. Ихъ розняли безъ труда, перевели въ находившіеся при моленной флигеря и здѣсь переписали, а къ вечеру всѣхъ заключили во временно устроенную для нихъ тюрьму. Утромъ слѣдующаго дня пріѣхалъ во Ржевъ еще одинъ высшій начальникъ г.-а. Еѳимовичъ, командированный изъ Петербурга, куда съ самаго открытія раскольническаго мятежа во Ржевѣ были посылаемы извѣстія о немъ. Еѳимовичъ немедленно отправился къ заключеннымъ въ тюрьмѣ раскольникамъ. Такъ какъ они болѣе не упорствовали (потому что не могли упорствовать) относительно передачи моленной единовѣрцамъ согласно Высочайшему повелѣнію, то г.-а. Еѳимовичъ немедленно выпустилъ часть заключенныхъ на свободу, при чемъ нашелъ нужнымъ объявить раскольникамъ, что ихъ мнѣній правительство не стѣсняетъ, то-есть упорствовать въ расколѣ они могутъ безъ всякаго опасенія, и что имъ разрѣшено будетъ устроить новый молитвенный домъ, о чемъ они должны ходатайствовать предъ Государемъ. И оставленнымъ на время въ заключеніи было обѣщано скорое освобожденіе. Чрезъ нѣсколько дней, именно 7-го марта, дѣйствительно получено было Высочайшее повелѣніе — выпустить ихъ на свободу,

что и было исполнено на слѣдующій же день. Лишнія сутки продержанъ былъ въ заключеніи только одинъ изъ раскольниковъ, особенно дерзкій и упорный, нѣкій Морозъ.

Такъ кончилось это дѣло, составляющее любопытный эпизодъ въ исторіи раскола за первые годы царствованія императора Александра II-го, когда начиналось уже крушеніе николаевской системы дѣйствованія относительно раскола, долженствовавшей въ концѣ концовъ привести его къ полному ослабленію, если не уничтоженію. Отстоять моленную ржевскимъ раскольникамъ, правда, не удалось; но ихъ противленіе объявленной имъ Высочайшей волѣ и открытый мятежъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не только не имѣли ни какихъ вредныхъ для нихъ послѣдствій, но и доставили имъ своего рода торжество: за мятежъ ни одинъ изъ нихъ не понесъ никакого наказанія, и выйдя, какъ правые, на свободу, видя отъ всѣхъ высшихъ властей особенную къ нимъ снисходительность, они получили только подтвержденіе, что для нихъ дѣйствительно наступили лучшія времена—времена свободы и безнаказанности; то, на что они не посмѣли бы и отважиться три-четыре года назадъ, теперь не только прошло безбѣдно для нихъ, но и доставило имъ случай услышать изъ устъ уполномоченнаго Государемъ сановника, что ихъ вѣрованій правительство не стѣсняетъ и имъ дозволено будетъ построить новый молитвенный домъ. Ржевскіе раскольники, очевидно, имѣли полное основаніе торжествовать. На ревнителей же православія исходъ ржевскаго раскольническаго мятежа произвелъ, напротивъ, крайне тяжелое впечатлѣніе, и особенно на тѣхъ, кѣмъ возбуждено было дѣло о обращеніи моленной въ единовѣрческую церковь: они ясно увидѣли, что настанетъ время, — когда бороться съ расколомъ будетъ все труднѣе и труднѣе...

5. Два письма Т. И. Филиппова о ржевскихъ событіяхъ. — Освященіе взятой у раскольниковъ моленной. – Успѣхи австрійскаго лжесвященства во Ржевѣ.

О ржевскихъ событіяхъ, какъ было уже упомянуто, въ Петербургъ посылались своевременно телеграммы. Извѣстіе о раскольническомъ мятежѣ произвело тамъ сильное впечатлѣніе въ правительственныхъ сферахъ. Во Ржевъ, какъ мы видѣли, командированъ былъ съ особыми полномочіями г-а. Еѳимовичъ. Съ своей стороны оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, ближайшимъ образомъ заинтересованный въ дѣлѣ, нашелъ нужнымъ отправить туда и своего чиновника для собранія наиболѣе точныхъ свѣдѣній о событіяхъ. Графъ А. П. Толстой возложилъ это порученіе на состоявшаго при немъ «коллежскаго асессора Филиппова», не только по особому къ нему довѣрію, но и потому, конечно, что онъ, какъ ржевскій уроженецъ, вполнѣ знакомъ былъ съ городомъ и его населеніемъ, зналъ хорошо и ржевскихъ раскольниковъ.

Во Ржевъ Т. И. Филипповъ пріѣхалъ 6-го марта, т.-е. въ то время, когда мятежъ былъ уже конченъ и взятые на дворѣ моленной раскольники заключены были на время въ тюрьму. Немедленно повидался онъ съ городничимъ, Берсеневымъ и протоіереемъ Константиновскимъ, отъ которыхъ и получилъ первыя свѣдѣнія о ржевскихъ событіяхъ. На другой день, 7-го марта, дополнивъ ихъ собранными изъ другихъ источниковъ болѣе подробными извѣстіями, написалъ и отправилъ къ графу А. П. Толстому обстоятельное донесеніе о всемъ, что̀ узналъ здѣсь о ржевскомъ дѣлѣ. Потомъ, 8-го марта, бывъ свидѣтелемъ состоявшагося въ этотъ день освобожденія заключенныхъ въ тюрьму раскольниковъ, отправилъ второе дополнительное письмо, или донесеніе.

Содержащимися въ этихъ письмахъ извѣстіями мы и пользовались, излагая въ существенныхъ чертахъ исторію ржевскаго раскольническаго мятежа. Но въ письмахъ Т. И. Фи-

липпова имѣетъ значеніе не одна фактическая сторона,— въ нихъ отразилось и заслуживаетъ вниманія его личное отношеніе къ дѣлу, высказанъ и представляетъ не мало любопытнаго его собственный взглядъ на сообщаемыя имъ событія. Поэтому оба письма его заслуживаютъ быть приведенными вполнѣ. Читая ихъ, нельзя не примѣтить, что симпатіи Т. И. Филиппова были и тогда на сторонѣ раскольниковъ и что онъ неодобрительно относился даже къ самому предпріятію отобрать у нихъ молитвенный домъ для обращенія въ единовѣрческую церковь. Къ главнымъ виновникамъ и руководителямъ этого предпріятія, вліятельнымъ во Ржевѣ единовѣрцамъ — Берсеневу и Образцову, относится онъ съ явнымъ нерасположеніемъ; даже о характерѣ и дѣйствіяхъ столь уважаемаго всѣми лица, какъ о. Матѳей Константиновскій, отзывается съ неодобреніемъ. Напротивъ, о ржевскихъ раскольникахъ, за исключеніемъ трехъ, или четырехъ главныхъ виновниковъ мятежа, говоритъ съ особеннымъ сочувствіемъ,—даже описываетъ «трогательное зрѣлище», какое представляли они во время мятежа и на улицахъ, и на дворѣ моленной, и особенно при выходѣ изъ временнаго заключенія въ тюрьму. Съ большою также похвалою говоритъ онъ о снисходительныхъ къ мятежникамъ дѣйствіяхъ высшихъ правительственныхъ лицъ, участвовавшихъ въ прекращеніи мятежа, находя эти дѣйствія «крайне благоразумными и человѣколюбивыми». А что̀ всего любопытнѣе, онъ совѣтовалъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода «постараться объ освобожденіи» заключенныхъ въ тюрьму мятежниковъ, чтобы сдѣлать свое имя «пріятнымъ» раскольникамъ, и выражалъ надежду, что «случай этотъ (т.-е. ржевскій мятежъ) дастъ» оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, недавно вступившему въ эту должность, «прекрасную мѣрку для его будущихъ дѣйствій по этому предмету» (т.-е. для рѣшенія касающихся раскола вопросовъ).

Вотъ что̀ именно писалъ Т. И. Филипповъ къ графу А. П. Толстому:

Письмо первое, отъ 7 марта 1857 г. [1]).

По приказанію вашего сіятельства я отправился изъ Москвы 5 марта (вторникъ). Въ Москвѣ уже ходили грозные слухи о ржевскихъ дѣлахъ; въ Твери они дошли до неестественныхъ размѣровъ; тамъ говорили уже о схваткахъ, о кровопролитіи: поводомъ къ тому было предписаніе двинуть во Ржевъ Тверскую артиллерію. Въ Старицѣ встрѣтили меня слухи столь же ужасные, потому что оттуда пошелъ во Ржевъ гусарскій полкъ, который здѣсь стоитъ и доселѣ. Но, по пріѣздѣ моемъ во Ржевъ, я узналъ, что дѣло было только чрезвычайно шумно; было много крику, слезъ, трогательныхъ зрѣлищъ, но ничего ужаснаго: не только не было пролито ни капли крови, но даже ничего не говорятъ о простыхъ побояхъ, безъ которыхъ въ такихъ обстоятельствахъ очень рѣдко обходятся. Только жандармскій штабъ-офицеръ Симановскій, говорятъ, прибилъ троихъ человѣкъ, да сами старообрядцы избили своихъ попечителей, которые собрали съ нихъ деньги и увѣрили ихъ, что Царь рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу. Даже въ то время, когда брали моленную, старообрядцевъ не били, а только растаскивали, потому что они сцѣпились другъ съ другомъ. Сегодня я вамъ передалъ только то, что̀ слышалъ отъ городничаго, чуть-чуть добавляя его разсказъ посторонними свѣдѣніями. Завтра постараюсь послать вамъ, что̀ услышу отъ Берсенева. Отъ отца Матѳея я узнать ничего не могъ: 1-е потому, что онъ самъ лично ничего не видалъ, слѣдовательно знаетъ только слышанное; 2-е потому, что онъ глядитъ на это дѣло по своему способу, а не по общему. Вызвать его на объясненія трудно и, по состоянію его здоровья, опасно: всякое противорѣчіе въ такомъ дѣлѣ, особенно мое, раздражило бы его крайне. А такъ какъ фактическаго изъ объясненія съ нимъ я извлечь ничего не надѣюсь, то я и рѣшился, по крайней мѣрѣ до времени, только слушать его, хотя не скрою

[1]) На этомъ письмѣ рукою гр. Толстого помѣчено: „Получено 10 марта утромъ“.

отъ него, какъ вамъ это происшествіе горько и что вы не видите въ немъ торжества православія, какъ видитъ онъ.

23 февраля городничій получилъ предписаніе отъ губернатора привести въ исполненіе Высочайшую волю. Но извѣстіе о рѣшеніи Государя было здѣсь извѣстно ранѣе; пока губернаторъ сносился съ архіереемъ о назначеніи во Ржевъ депутата отъ духовенства, старообрядцы уже все разузнали, списали въ Твери копію съ Высочайшаго рѣшенія и привезли ее во Ржевъ. Между тѣмъ единовѣрцы, какъ побѣдители, не сумѣли пощадить чувства побѣжденныхъ и раздражали ихъ, какъ говорятъ, особенно тѣмъ, что грозили имъ другимъ мнимымъ предписаніемъ о насильственномъ обращеніи ихъ въ единовѣріе. 25 февраля пріѣхалъ изъ Твери архимандритъ Макарій, и положили приступить на завтра къ дѣйствію. Городничій поѣхалъ того же 25 февраля къ вечеру на ту сторону, къ моленной, посмотрѣть, нѣтъ ли чего въ народѣ. Но ничего не было особеннаго; ходили коегдѣ кучками, но смирно, на заговоръ ничего не было похожаго. Городничій ограничился легкими замѣчаніями, что уже поздно, что пора спать, и въ 11 часовъ вечера поѣхалъ домой, оставивши тамъ, при молитвенномъ домѣ, 7 человѣкъ своихъ полицейскихъ и двухъ жандармовъ. Въ полночь нахлынулъ народъ со всѣхъ сторонъ, ворвались во дворъ моленной, высадивъ ворота, и вышвырнули эту малую стражу. Если вы помните, дворъ этого дома огромный, и онъ весь наполнился народомъ; кромѣ того, всѣ огороды, смежные съ домомъ, то же были набиты биткомъ. Перечесть ихъ было невозможно; иные полагаютъ ихъ до 2000 (какъ городничій), а другіе и до 5000 человѣкъ всякаго возраста и пола: старики, женщины, дѣвушки, дѣти отъ 15 до 8 лѣтъ.

Между тѣмъ съ вечера 25 февраля было условлено у духовенства (арх. Макарій, от. Матѳей, благочинный единовѣрческій и Ржевскій единовѣрческій священникъ были назначены изъ духовенства къ принятію моленной) съ городскими властями на утро, пораньше, часовъ въ 8, отправиться на исполненіе предписанія. Всѣ власти собрались въ Думу

въ парадѣ, пріѣхало и духовенство; но, узнавши о положеніи дѣла, никто не рѣшился туда отправиться, такъ что поѣхалъ туда одинъ городничій, взявши съ собой два взвода гусаръ. Такое скудное, не торжественное явленіе одного только лица, и притомъ слишкомъ всѣмъ знакомаго, повредило дѣлу сразу; это показалось какъ-то несообразнымъ съ важностію обстоятельствъ. Городничій сталъ имъ говорить о волѣ Государя; они пожелали видѣть предписаніе; онъ показалъ его, не выпуская конечно изъ рукъ. «Нѣтъ, закричали, не вѣримъ, не вѣримъ! Покажи намъ царскую подпись. Не можетъ этого быть, чтобы Царь захотѣлъ отнять у насъ собственность». Городничій велѣлъ пріѣхать пожарнымъ трубамъ и велѣлъ ихъ окачивать, но ничего не сдѣлалъ этимъ. Одной дѣвочкѣ попала прямо въ лицо струя воды, она захлебнулась и упала; городничій бросился помочь ей, а они подумали, что онъ хочетъ къ себѣ вытащить, вырвали ее изъ его рукъ, при чемъ онъ лишился пуговицы (оторвали). Онъ попробовалъ двинуть туда гусаръ. Нѣсколько человѣкъ ворвались туда, но народъ крикнулъ, дѣти взвизгнули, лошади шарахнулись и выскакали со двора. Въ рукахъ старообрядцевъ остались два карабина и сабля (впрочемъ, кажется, не отнятые, а потерянные). Въ этотъ день (всѣ говорятъ) *ожесточеніе было сильное и расположеніе умовъ самое рѣшительное.* Къ счастію, оно впослѣдствіи смягчилось. Городничій возвратился ни съ чѣмъ, оцѣпивъ гусарами всѣ четыре квартала, смежные съ моленной. Штабъ-офицеръ Симановскій сей же часъ донесъ губернатору, что во Ржевѣ бунтъ. На замѣчаніе, сдѣланное городничимъ городскимъ властямъ, не стыдно ли имъ было оставить его одного, власти отвѣчали: «намъ нельзя было ѣхать, насъ бы убили». Отвѣтъ не очень великодушенъ, но, по моему, весьма благоразуменъ. Дѣйствительно, появленіе туда Берсенева и Образцова сдѣлало бы рѣшительный вредъ. Положено было морить старообрядцевъ голодомъ, не пропуская никого ни къ нимъ, ни отъ нихъ. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ изъ Твери кн. Вяземскій, начальникъ дивизіоннаго штаба,

назначенный главнымъ начальникомъ войскъ во Ржевѣ (здѣшній генералъ Штакельбергъ сказался больнымъ) и самаго города: потому что городъ нашъ объявленъ на военномъ положеніи. Обратились съ просьбою къ кн. Вяземскому, чтобы онъ надѣлъ весь парадъ свой и съѣздилъ бы поговорить съ старообрядцами. А время случилось къ ярмаркѣ; народу на той сторонѣ было безъ конца. На старообрядцахъ не было лица; они стояли синіе и блѣдные; на лицахъ было уныніе самое глубокое, но болѣе трогательное, чѣмъ ожесточенное. Они какъ-то заглядывали проходящимъ въ глаза, ища состраданія. Люди сторонніе не могли воздержаться отъ слезъ. Сюда относится описаніе, сдѣланное моей матушкой, которое я переслалъ вамъ изъ Москвы. Когда кн. Вяземскій поѣхалъ по улицамъ, они пали на колѣни и раздирающимъ голосомъ завопили: «батюшка! помилуй, заступись за насъ!» Кн. Вяземскій подъѣхалъ къ воротамъ, сталъ просить ихъ (?), чтобы они (?) разошлись по домамъ, чтобы не противились волѣ Государя [1]).—«Мы, говорятъ, не противимся».—Такъ покоритесь.—«Мы покаряемся».—Такъ отдайте же моленную.—«Нѣтъ! не согласны». Видя, что ничего нельзя сдѣлать, кн. Вяземскій повернулъ отъ воротъ лошадь и поѣхалъ своей дорогой. Такъ дѣло оставалось въ неизмѣнномъ положеніи до пріѣзда губернатора, т.-е. до пятницы, 2-го марта. Они сидѣли тамъ голодомъ, хотя солдаты и доставляли имъ тайкомъ кое-что.

Получивъ приказаніе привести дѣло къ концу, какъ умѣетъ, до пріѣзда г.-а. Еѳимовича, губернаторъ подошелъ къ воротамъ моленной и велѣлъ войску вломиться во дворъ. Тутъ ротмистръ Муравьевъ съ вахтмистромъ ворвались пер-

---

[1]) Здѣсь разсказъ не совсѣмъ ясенъ. Кого *ихъ* сталъ просить кн. Вяземскій, подъѣхавъ къ воротамъ? — тѣхъ ли старообрядцевъ, которыхъ онъ видѣлъ, ѣхавши по улицамъ и которые здѣсь падали предъ нимъ на колѣни, или тѣхъ, которые находились на дворѣ моленной, къ воротамъ которой онъ подъѣхалъ? Надобно полагать, что рѣчь идетъ объ этихъ послѣднихъ.

вые и проложили дорогу другимъ; губернаторъ вошелъ за ними со всѣми властями. Утомленные голодомъ и уменьшенные въ числѣ почти до $^1/_{10}$, старообрядцы не могли и не захотѣли сопротивляться, только сцѣпились другъ съ другомъ за руки. Ихъ растащили и заперли во флигели, въ которыхъ жилъ нѣкогда попъ Василій и его дьячки. Ихъ всѣхъ переписали и перевели въ новый острогъ человѣкъ около 300. Это было къ вечеру. На другой день пріѣхалъ г.-а. Ефимовичъ и немедленно отправился къ заключеннымъ убѣждать ихъ, чтобы они покинули свои притязанія на моленную. На утро духовенство за сильнымъ конвоемъ отправилось описывать моленную. По дорогѣ ихъ осыпали бранью, называли антихристами и т. п. Но всѣ вещи найдены были въ цѣлости, что̀ ужъ вамъ и донесено. Они повернули дѣло уже такъ, что за моленную не стоятъ, но чтобъ ихъ не стѣсняли въ вѣрѣ и не приписывали ихъ къ единовѣрческой церкви. Ефимовичъ имъ объявилъ, что Царь ихъ мнѣній не стѣсняетъ, что они могутъ просить Царя о новомъ молитвенномъ домѣ. Не знаю, справедливо ли послѣднее, т.-е. обѣщаніе другого дома, но во всякомъ случаѣ эта мѣра была благоразумна: умы успокоились и старообрядцы нѣсколько ожили, увѣрившись, что ихъ совѣсть не испытаетъ насилія. Ефимовичъ оставилъ ихъ однако подъ стражей, выпустивъ немедленно женъ и дѣтей [1]). Уѣзжая, онъ сказалъ, что можетъ быть слѣдовало бы и всѣхъ ихъ освободить, но пусть посидятъ для памяти. Вы, конечно, съ своей стороны постараетесь объ ихъ освобожденіи, и тогда къ правительству у старообрядцевъ возродится расположеніе и ваше имя будетъ имъ пріятно [2]). А теперь пока оно имъ непріятно; Бакунинъ, уѣзжая, сказалъ старообрядцамъ: «господа! не подумайте, чтобы это сдѣлалось черезъ насъ; это сдѣлалъ гр. Толстой».

---

[1]) Ужели заключены были въ тюрьму даже и „дѣти?“

[2]) Достойна вниманія эта заботливость г. Филиппова о томъ, чтобы имя оберъ-прокурора Св. Синода было „пріятно“ раскольникамъ.

Къ церкви приписалось всего 25 человѣкъ, но и этого трудно было ожидать.

Всѣ дѣйствія присланныхъ сюда чиновниковъ были крайне благоразумны и человѣколюбивы, что̀ и утишило бурю. Я знаю нашъ городъ; если бы ожесточили ихъ грубымъ насиліемъ, была бы бѣда: много крови стоило бы это дѣло. Цѣлая Писковская волость (Сычевскаго уѣзда, состоитъ изъ 40.000 душъ) собиралась на выручку, но къ счастію была остановлена въ самомъ началѣ предпріятія. Только нѣсколько человѣкъ успѣли пробраться ко Ржеву, но у заставы и они были перехвачены и посажены подъ стражу.

Богъ поберегъ вашу невинность и не возложилъ на вашу совѣсть тяжелой отвѣтственности (?). Случай этотъ дастъ вамъ прекрасную мѣрку (?) для будущихъ вашихъ дѣйствій по этому предмету.

Сейчасъ я ѣду являться къ кн. Вяземскому. Буду ожидать вашихъ приказаній, долго ли мнѣ оставаться во Ржевѣ. Здѣсь дѣлать, кажется, нечего; развѣ подождать, пока выпустятъ заключенныхъ: не будетъ ли чего тогда?

Письмо второе, отъ 8 марта 1857 г. [1]).

Вчера пришло сюда Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи заключенныхъ раскольниковъ. Оно очень смутило Берсенева; онъ даже совсѣмъ потерялся на первыхъ порахъ и все ко мнѣ приставалъ: «Что же теперь съ нами будетъ? Теперь всѣ власти здѣшнія потеряли значеніе. Еще хорошо, что войско стоитъ, а то слово Православіе произнести было бы опасно» Всѣ его рѣчи такого рода выражаютъ, мнѣ кажется, не дѣйствительное опасеніе за гражданскій порядокъ, а простую досаду на неудачу въ его властолюбивыхъ намѣреніяхъ: не пришлось распорядиться по своему съ узниками. Правда, что смѣна правительственныхъ распоряженій, одно на другое не похожихъ, была очень быстра,

---

[1]) Собственноручная помѣтка гр Толстого: „Получено 10 марта ввечеру“.

безусловное прощеніе для многихъ неожиданно и самое приведеніе въ исполненіе Высочайшей воли не совершенно благоразумно; но эта царская милость (кромѣ того, что она требовалась чувствомъ справедливости) не можетъ имѣть дурныхъ общественныхъ послѣдствій; а можетъ быть иное почетное лицо въ городѣ, въ родѣ Берсенева или Образцова, услышитъ лишнее противъ себя слово: вотъ и все. И то это можетъ случиться послѣ когда-нибудь, когда ужъ не будетъ здѣсь войска, и при какихъ-нибудь поводахъ со стороны самихъ этихъ лицъ. Я видѣлъ, какъ освобождали раскольниковъ. Они разъ двадцать падали въ ноги кн. Вяземскому, кричали «многая лѣта» Царю, крестились. На лицахъ у нихъ я не замѣтилъ ни малѣйшей злорадной примѣси къ чувству радости. Если бы этихъ людей еще наказать, такъ я ужъ и не знаю, что это было бы. Это я говорю о той толпѣ (около 200 человѣкъ), которая была загнана во флигеля и потомъ переведена во временно устроенную тюрьму. Иное дѣло три попечителя моленной, которые были заключены особо. Изъ нихъ особенно одинъ отвратительно безстыдный человѣкъ; но такъ какъ теперь съ нимъ сдѣлать ничего нельзя, такъ и говорить нечего. Ихъ тоже освободили, хотя ихъ-то и поучить не мѣшало: они дѣлали поборы съ раскольниковъ и ѣздили въ Петербургъ хлопотать. Въ послѣднее время они собрали, говорятъ, 15.000 р. сер. и увѣрили своихъ, что Царь все рѣшилъ въ ихъ пользу. За это ихъ раскольники и побили, какъ я доносилъ вамъ въ прежнемъ письмѣ. Одна старушка продала послѣднюю корову и принесла одному изъ нихъ вырученные 17 руб. сер. «Похлопочи, батюшка!» Губернаторъ, уѣзжая, сказалъ головѣ (Берсеневу ?), чтобы онъ не заводилъ ни подъ какимъ видомъ дѣлъ о раскольникахъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что всякое обвиненіе раскольника сочтется за пристрастіе [1]). Изъ всѣхъ ослушниковъ особенно замѣтенъ былъ одинъ, Григорій Мо-

[1]) Примѣчательныя слова въ устахъ начальника губерніи.

розъ, который до конца не хотѣлъ уступить Высочайшей волѣ и былъ Ѳеимовичемъ посаженъ подъ особый караулъ. Его должны были выпустить сегодня; не было ли чего особеннаго при его освобожденіи, не знаю. Конечно раскольниковъ не покидаетъ мысль о моленной, потому что Ѳеимовичъ, кажется, обнадежилъ ихъ, что Царь позволитъ имъ устроить новую, и кн. Вяземскій, освобождая ихъ, лишній разъ сказалъ имъ, что Царь нисколько не стѣсняетъ ихъ мнѣній; но эта надежда (?) скоро лопнетъ, когда моленная освятится [1]). Ждать освященія моленной вы, вѣроятно, мнѣ не прикажете, а другого дѣла я здѣсь не вижу для себя. О. Матѳей не огорченъ свободою раскольниковъ и надѣется имѣть успѣхъ въ обращеніи; по крайней мѣрѣ онъ хочетъ сдѣлать имъ предложеніе о переходѣ въ единовѣрческую церковь, на основаніи присланнаго ему указа. Но теперь это будетъ такъ не къ стати; я его прошу, чтобъ онъ этого не дѣлалъ, потому что выдетъ изъ этого одинъ смѣхъ.

Ржевъ. 1857 года
8 марта.

Освященіе бывшей раскольнической моленной въ единовѣрческую церковь совершено было 30-го марта, о чемъ въ тотъ же день послалъ извѣстіе графу А. П. Толстому Берсеневъ, «по порученію и благословенію почтеннѣйшаго пастыря Матвѣя Александровича». Самъ о. Матѳей по болѣзни не могъ участвовать въ этомъ церковномъ торжествѣ, котораго былъ онъ главнымъ виновникомъ: освященіе совершали три единовѣрческіе священника—тверской, торжков-

---

[1]) Эта „надежда“ ржевскихъ раскольниковъ на „нестѣсненіе“ ихъ въ религіозныхъ мнѣніяхъ, т. е. въ содержаніи раскола, и въ построеніи молитвенныхъ домовъ не только не „лопнула“, напротивъ осуществилась вполнѣ, благодаря заявленнымъ тогда и все болѣе и болѣе усиливавшимся либеральнымъ воззрѣніямъ на расколъ высшихъ правительственныхъ лицъ. Нельзя не высказать сожалѣнія, что этимъ воззрѣніямъ сочувствовалъ и самъ довѣренный чиновникъ тогдашняго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

скій и ржевскій. «Все происходило (писалъ Берсеневъ) въ величайшемъ порядкѣ и тишинѣ, къ общей радости всего православнаго народонаселенія города, — не было различія между прихожанами чисто православными и единовѣрцами. Это было истинно народное торжество православія, давно желаемое всѣми истинно-православными. Виновникамъ нашей духовной радости да воздастъ Всевышній за ихъ о насъ попеченіе!» Въ концѣ письма Берсеневъ сообщалъ графу тревожныя вѣсти о состояніи здоровья о. Матѳея: «здоровье нашего почтеннаго Матвѣя Александровича довольно слабо и не улучшается,—Богъ вѣсть, возстановится ли оно. Грустно намъ будетъ лишиться отца, который указалъ намъ настоящій путь царскій. И кто намъ замѣнитъ его въ настоящія тяжелыя времена? Будемъ надѣяться во всемъ на Бога». Эти опасенія за здоровье о. Матѳея были не напрасны: вскорѣ затѣмъ онъ скончался, искренно оплаканный многочисленными его почитателями.

Между тѣмъ раскольники во Ржевѣ, ободренные счастливымъ для нихъ исходомъ мятежа и полученными отъ властей обѣщаніями свободы, начали дѣйствовать и пропагандировать расколъ съ особенною смѣлостью. По смерти бѣглаго попа Василья, не чуждавшагося австрійщины, они уже не заботились о пріобрѣтеніи отъ «Великороссійской» церкви «бѣгствующихъ іереевъ», а соединились надъ паствою поставленнаго Антоніемъ австрійскаго лжепопа Якова Сурнина, и этотъ послѣдній началъ пріобрѣтать себѣ все больше и больше послѣдователей не только въ городѣ, но и въ окрестныхъ мѣстахъ, вѣнчая браки и исполняя разныя требы даже у православныхъ, которые такимъ образомъ увлекались въ расколъ. Во Ржевѣ онъ жилъ свободно въ своемъ собственномъ домѣ и всѣмъ былъ извѣстенъ, какъ раскольническій попъ австрійскаго поставленія. Крайняя смѣлость и успѣхи Сурнина въ распространеніи австрійскаго раскола наконецъ заставили начальство обратить на него вниманіе, и 3-го марта 1858 г. онъ былъ взятъ и заключенъ въ острогъ. Объ этомъ событіи Берсеневъ писалъ графу А. П. Толстому

на другой же день, т.-е. 4-го марта: «Обязанностію моею считаю донести вашему сіятельству, что извѣстный лжепопъ австрійской іерархіи ржевскій мѣщанинъ Яковъ Исаевъ Еѳимовъ, онъ же и Сурнинъ, по предписанію г. военнаго губернатора графа Баранова вчера вечеромъ взятъ въ собственномъ домѣ въ г. Ржевѣ здѣшнимъ исправникомъ Ковалевскимъ безъ всякаго шума и тотчасъ отправленъ въ острогъ, о чемъ онъ сегодня донесъ естафетою г. начальнику губерніи. Все православное народонаселеніе нашего города сердечно этому обрадовалось и усердно желаетъ, чтобы этотъ развратитель православныхъ получилъ достойное наказаніе и навсегда, какъ можно скорѣе, былъ удаленъ изъ города. Если онъ не будетъ лишенъ навсегда свободы, то нѣтъ сомнѣнія, что опять явится здѣсь и тогда зло еще болѣе будетъ возрастать. Онъ истинный злодѣй нашего общества». Преслѣдованіе Сурнина, разумѣется, только доставило ему ореолъ страдальца въ глазахъ раскольниковъ. И во всякомъ случаѣ удаленіе одного австрійскаго попа не могло ослабить австрійскаго раскола во Ржевѣ, — на его мѣсто Антоній во всякое время могъ поставить другого. Такъ и было въ дѣйствительности. Австрійское лжесвященство, начавшее особенно сильно и свободно распространяться по всѣмъ мѣстамъ Россіи именно съ первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра II-го, тогда же прочно укоренилось и во Ржевѣ. Въ настоящее время у ржевскихъ раскольниковъ, въ самомъ городѣ, имѣется четыре попа: двое (Елкинъ и Иголкинъ) у окружниковъ, и двое у противоокружниковъ. Уже по этому одному можно судить, какого процвѣтанія достигъ здѣсь расколъ, послѣ того, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ предполагалось нанести ему рѣшительное пораженіе отобраніемъ послѣдняго молитвеннаго дома у бѣглопоповцевъ, превращавшихся въ послѣдователей австрійскаго лжесвященства. И это предположеніе могло бы осуществиться, еслибы высшія правительственныя лица тогда же не ободрили раскольниковъ къ упорству въ расколѣ своими либеральными, даже отъ имени Государя, обѣщаніями что

ихъ религіозныя мнѣнія не будутъ стѣсняемы и что имъ дозволено будетъ строить молитвенные домы, т. е. подъ этимъ названіемъ настоящія церкви, гдѣ ихъ лжесвященники могутъ безпрепятственно отправлять всѣ службы, не исключая и литургіи...

Вообще, ржевскій раскольническій мятежъ представляетъ собою интересный и поучительный эпизодъ изъ исторіи раскола въ царствованіе императора Александра II-го, и именно за первые годы этого царствованія.

